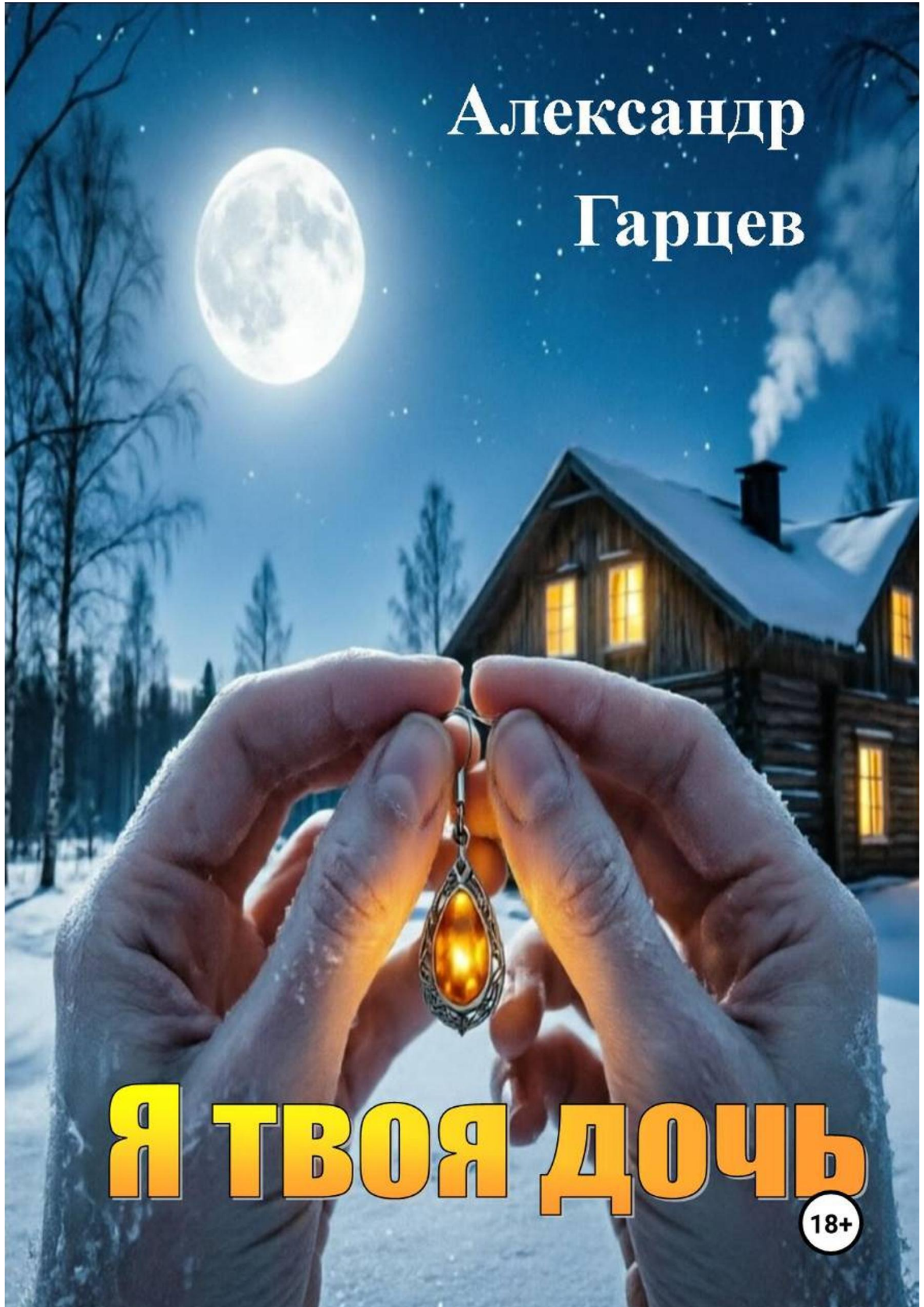

Александр
Гарцев

Я ТВОЯ ДОЧЬ

18+

Александр Гарцев

Я твоя дочь

«Автор»

2026

Гарцев А.

Я твоя дочь / А. Гарцев — «Автор», 2026

Новое произведение писателя Александра Гарцева «Я твоя дочь» — это роман о том, как прошлое возвращается, чтобы изменить будущее. О том, что семья — это не просто кровь, а выбор, который мы делаем каждый день. О том, что даже самая глубокая боль может стать началом новой жизни. Для поклонников семейных саг, психологических драм и острых триллеров с неожиданными поворотами.

© Гарцев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Осколки зеркала	5
А вот и герои нашего романа	7
Глава 1. Порог	9
Глава 2. Нулевой километр	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Александр Гарцев

Я твоя дочь

Осколки зеркала

За каждым поступком, который мы называем злым, стоит невыплаканная боль. За каждым словом, которое ранит, — крик о том, что нас не услышали. Мы привыкли делить мир на чёрное и белое, на героев и злодеев, на жертв и палачей. Но великая русская литература, от Достоевского до Шаламова, учит нас иному: зло не живёт в человеке отдельно. Оно прорастает в той трещине, куда вовремя не попал свет.

Фёдор Михайлович Достоевский, этот жестокий и милосердный аналитик человеческой души, писал в «Братьях Карамазовых»: «Если Бога нет, то всё позволено». Но позволено ли всё, когда есть боль? Мы часто путаем справедливость с местью, а месть — с правдой. Мы хотим восстановить равновесие, но не замечаем, что чаша весов в наших руках — это осколок зеркала, в котором мы видим лишь собственное отражение. Мы мстим не за других — мы мстим за ту часть себя, которую когда-то потеряли. За ребёнка, которого бросили. За надежду, которую предали. За любовь, которая оказалась ложной.

Лев Толстой, великий искатель истины, утверждал: «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Но я позволю себе усомниться. Возможно, все несчастливые семьи тоже похожи — в них всегда есть невысказанное слово, всегда есть дверь, которая когда-то захлопнулась, и никто не нашёл сил открыть её снова. Мы строим свои семьи на фундаменте из недомолвок, и когда приходит время, этот фундамент трещит. И тогда мы ищем виноватых. Мы ищем зло вовне, не замечая, что оно давно поселилось внутри нас — в нашей гордыне, в нашей неспособности прощать, в нашей уверенности, что мы имеем право судить.

Но кто мы такие, чтобы судить? Французские просветители, эти дерзкие архитекторы современного мира, задавали нам тот же вопрос. Вольтер, улыбаясь сквозь горькую иронию, писал: «Я не согласен с твоим мнением, но готов отдать жизнь за твоё право высказывать его». Это не просто о свободе слова. Это о признании другого — даже если он твой враг, даже если он причинил тебе боль. В каждом человеке, даже в самом жестоком, есть искра божественного — или, если угодно, искра человеческого. Руссо, предшественник всех психологов, говорил: «Человек рождается добрым, но общество делает его злым». Мы часто забываем об этом, глядя на того, кто переступил черту. Мы не видим ребёнка, который плакал в темноте. Мы видим только взрослого, который размахивает ножом или словом.

Но разве зло не начинается с недосмотра? Разве не с того, что мы не заметили, как наш ближний падает, не протянули руку, не сказали слова, которое могло бы спасти? А.П. Чехов, великий певец русской тоски, учил нас быть «человеком» — не супергероем, не святым, а просто человеком, который слышит, видит, чувствует. «В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли», — писал он. Но что мы делаем, когда видим, что в человеке что-то сломано? Мы отворачиваемся. Мы боимся замараться. Мы прячемся за ширмой морали, говоря: «Это его выбор». И каждый раз, когда мы отворачиваемся, зло становится чуть-чуть сильнее.

Я верю, что зло — это не действие. Это отсутствие действия. Это момент, когда мы выбираем не вмешиваться. Когда мы выбираем молчать. Когда мы выбираем забыть. И в этом смысле самая страшная жестокость — это равнодушие. Равнодушие отца к дочери. Равнодушие мира к ребёнку, который растёт без любви. Равнодушие каждого из нас к тому, что происходит рядом.

Но есть и другая сторона. Есть милосердие. Милосердие — это не слабость. Это огромная сила, которая требует мужества, которого у нас часто нет. Прощать трудно. Прощать больно. Прощать — значит признать, что ты несовершенен, что ты тоже способен на те же ошибки. Но прощать — единственный способ разорвать круг ненависти. Александр Солженицын, который сам прошёл через ад и не сломался, учил: «Зло на земле побеждается не добром?» Нет, зло побеждается правдой. Но правда без милосердия — это приговор. Правда с милосердием — это шанс.

Мы живём в мире, где границы между добром и злом стираются. Где жертва может стать палачом, а палач — жертвой. Где любовь и ненависть идут рука об руку. И в этом запутанном лабиринте единственный компас, который у нас есть, — это наша способность слышать другого. Слышать его боль, даже если он причинил боль нам. Видеть его слабость, даже если он кажется сильным. И помнить, что за каждым поступком стоит история. История, которую мы не знаем. История, которую мы можем узнать, если захотим.

Современный философ Жак Деррида, этот сложный и проницательный мыслитель, говорил о «прощении без границ» — о том, что настоящее прощение должно быть безусловным, потому что условное прощение — это уже не прощение, а сделка. Но кто из нас способен на такое? Кто может простить, не требуя ничего взамен? Это высшая степень человечности, почти недостижимая. Но к ней надо стремиться. Потому что именно в этом стремлении — наше спасение.

Роман, который я написал, — это история о том, как люди ищут свой путь в этом лабиринте. Как они падают, ошибаются, ранят друг друга. Но это также история о том, как они поднимаются. Как они находят в себе силы посмотреть в глаза своей боли и сказать: «Я не хочу быть злым. Я хочу быть человеком».

В этой книге нет святых. Нет идеальных героев. Есть только мы — такие, какие есть. С нашей грязью, с нашими грехами, с нашими надеждами. И, возможно, именно в этом признании собственного несовершенства и заключается начало добра.

Добро — это не когда ты безгрешен. Добро — это когда ты понимаешь, что согрешил, и не повторяешь своих ошибок. Когда ты видишь, что твой враг — это твоё зеркало, в котором отражается твоя собственная боль. Когда ты выбираешь не месть, а понимание.

Я верю, что каждый из нас способен на этот выбор. Что в каждом из нас есть искра света, которую не могут погасить никакие обстоятельства. И я пишу эту книгу, чтобы напомнить себе и тебе, читатель, что мы всегда можем начать сначала. Что даже самая длинная сибирская ночь заканчивается рассветом. Что даже самая глубокая рана может зажить, если дать ей время и тепло.

В этом — наша надежда. В этом — наша вера. В этом — наша любовь.

«Мы все состоим из осколков. Но именно из осколков можно собрать мозаику».

Автор

А вот и герои нашего романа

МАРИНА АЛЕКСЕЕВНА (Цыганкова) (23 года).

Биография: Родилась в цыганском таборе под Красноярском. Мать — Аня Цыганкова, красавица с огненным нравом, умерла от цирроза печени, когда Марине было 12. До 7 лет жила в таборе, потом мать запила, и Марину отправили в детский дом в селе Большой Улуй. После выпуска — училась на юриста в местном колледже (не окончила), работала продавцом, официанткой, администратором на заправке. Ненавидит запах дешёвого одеколона и слово «барышня». Мечтала о справедливости, но жизнь научила её, что справедливость нужно вырывать с мясом.

Портрет: Рост 168. Внешность цыганская, но с выбеленной русской кровью: иссиня-чёрные волосы до пояса (носит тугой пучок или косу), смуглая кожа, глаза цвета тёмного янтаря (карие с золотыми искрами), высокие скулы. Носит дешёвую, но тщательно подобранную одежду: длинные юбки, свитера с высоким горлом. Очень худая, пальцы рук всегда холодные, даже в тепле.

Особенности речи: Говорит с лёгким южным/цыганским прононсом — «гэкает», чуть смягчает согласные. В разговоре использует странные архаизмы («сударыня» в иронии) и резкие современные сленги («короче», «тупо», «без бэ»). Когда нервничает — переходит на шёпот. Фраза-маркер: «Хорошая сказка, правда? Только вот сказки кончаются...»

Мотив: Жажда признания своей боли и материнской униженной чести. Хочет, чтобы Иван Петрович посмотрел на неё и увидел тот день, когда он вышвырнул её мать. Чтобы он заплатил не деньгами, а страхом.

ИВАН ПЕТРОВИЧ ЗЕМЦОВ (53 года) .

Биография: Родом из рабочих. Начинал с фирмы "АвтоЗапчасти" в 90-е (не без греха — работал с лесоповалом, были тёмные сделки). К 2000-м переключился на мебельный бизнес, открыл сеть "Дом уюта". Умен, хитер, но в личной жизни — романтик, который постоянно ищет идеал, из-за чего развелся трижды. Первая жена (мать Игоря) — Ольга, сбежала от его ревности в Москву. Вторая жена — Татьяна (мать 12-летнего Глеба), живёт в соседнем доме с алиментами. Третья жена — Катя (25 лет) — его «последняя надежда». В глубине души он мучительно боится старости и одиночества.

Портрет: Крепкий, широкоплечий, с начавшейся сединой на висках, короткая стрижка. Лицо с тяжелой челюстью, глаза светло-серые, «рысьи». Носит дорогие часы "Hublot" и любит домашние свитера из кашемира. Пахнет дорогим табаком и деревом (он сам любит столярничать в гараже).

Особенности речи: Басовитый, властный. Говорит рублеными фразами, как отдаёт приказы, но в минуты слабости становится нарочито ласковым, «сюсюкает». Любит философствовать за рюмкой: «Мужик, Марин, должен уметь строить. И дом, и судьбу. А всё остальное — это бабьи истерики».

Проходит путь от «Короля мира» (уверен, что построил рай) через «Смерть» (крах иллюзий, уличение во лжи) к «Воскрешению» (принятие грехов молодости и попытка искупления, даже если уже поздно).

ЕКАТЕРИНА СЕРГЕЕВНА ЗЕМЦОВА (25 лет) — Молодая жена.

Биография: Экономист по образованию. Пришла в "Дом уюта" как менеджер по закупкам. Иван её «поднял» буквально из грязи в князи: она жила в общежитии. Сейчас она — идеальная жена-витрина: делает фитнес, ходит к косметологу, ведёт бюджет дома. Но она глубоко несчастна, потому что Иван относится к ней как к дорогой вещице, а не как к человеку. Мечтает о ребёнке, но у неё уже две неудачные беременности.

Портрет: Белокурая, с осиной талией, голубоглазая. Лицо кукольное, но с частой «маской вежливости». Когда улыбается — глаза остаются холодными. Одевается в бренды «средний-премиум» (Baon, Zarina, но мечтает о Chanel).

Особенности речи: Жеманная, но с острыми нотками. Любит английские словечки («Окей», «Сори», «Вау»). Постоянно поправляет Ивана, когда тот «неправильно» ставит вилку. С Мариной сначала любезна, но быстро чувствует в ней угрозу. Фраза-маркер: «Я, как женщина, тебя понимаю... но ты не переходи границы, хорошо? Это мой дом».

ИГОРЬ ИВАНОВИЧ ЗЕМЦОВ (17 лет) — Сын, «неловкий возраст».

Биография: Мать (Ольга) спилась и умерла в Москве 3 года назад. Отец забрал Игоря к себе. Игорь — классический «сирота при живом отце». Он ненавидит Катю, считает её стервой и охотницей за наследством. Единственная отдушина — подготовка к военному училищу (которое он не хочет, но боится сказать отцу). Он пишет стихи в стол и мечтает о Севере. В душе — романтик и максималист.

Портрет: Высокий, худой, нескладный, как жердь. Прыщавый, но с красивыми, «интеллигентными» глазами зелёного цвета (в мать). Носит растянутые худи и треники. Вечно взъерошен.

Особенности речи: Резкая, подростковая, с обилием сарказма. Отвечает односложно, но если заговорится — выдаёт целые монологи о несправедливости мира. Фраза-маркер: «Да всем пофиг, что я думаю. Я просто экспонат в этом музее».

АНТОНИНА ВАСИЛЬЕВНА (58 лет) — Прислуга/Домработница.

Биография: Живет в семье Земцовых 15 лет. Бывшая учительница химии, потерявшая мужа и сына в ДТП. Для неё Земцовы — это способ заглушить одиночество. Она видит всё, слышит всё, но молчит. Она любит Ивана как родного, но презирает Катю за «пустоту». К Марине относится настороженно, но с материнским чутьём чувствует в ней ту же «породу сирот», что и у себя.

Портрет: Коренастая, седая, с пучком на затылке. Лицо суровое, крестьянское, руки в мозолях. Всегда в халате или фартуке. Пахнет пирогами и хлоркой.

Особенности речи: Говорит с "о" (северное). Сухая, лаконичная. Не позволяет себе фамильярности. Фраза-маркер: «Я вас предупреждала. Только вы, барин, глухие всегда были, когда совесть зовёт».

ВАСИЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ КУЗНЕЦОВ (50 лет) — Частный детектив.

Биография: Бывший опер МВД, выгнанный за «крышевание» (на самом деле взял вину на себя, чтоб спасти напарника). Работает в полуподвальном офисе. Ходит в старом плаще, небрит. Брал по разным делам: розыск должников, измены жён. Но это дело (поиск матери Марины) обещает быть морально сложным. Он — голос совести в романе.

Речь: Спокойная, тягучая, с паузами. «Понимаете, Иван Петрович, в этом мире есть два типа лжи: когда врут другим, и когда врут себе. С последним сложнее».

ГЛЕБ ЗЕМЦОВ (12 лет) — Сын от второго брака.

Приходит в гости на выходные. Тихий, забитый мальчик. Он единственный, кто не боится цыганских глаз Марины и первым тянется к ней, потому что чувствует в ней родственную душу (она тоже «лишняя» в этой семье). Марина, к своему ужасу, начинает испытывать к нему нежность — и это чуть не ломает её план.

ЗАХАР СТЕПАНОВИЧ (около 70 лет) — Отец Кати, пенсионер.

Появляется в гостях в 3-й главе. Старый, властный советский мужик, который видит Марину насквозь. Он — мудрый антагонист для Марины. Он говорит ей: «Ты думаешь, что борешься за правду, девочка? Ты борешься за то, чтобы папа тебя заметил. Детский сад...». Удар в самое слабое место.

Глава 1. Порог

Октябрь в Усть-Камчатске всегда наступал внезапно. Ещё вчера город тонул в золоте берёз, а сегодня с низкого свинцового неба сыпалась первая ледяная крупа, намертво примораживая к асфальту опавшие листья. Воздух пах гарью и прелой травой, а в сумерках, которые сгущались уже к пяти часам, даже фонари на Престижной казались какими-то усталыми, желтоватыми, нехотя разгоняющими крошечную тьму сибирского вечера.

Коттедж Земцовых стоял в глубине участка, отгороженный от улицы трёхметровым забором из тёсаного камня. Забор этот Иван Петрович возвёл четыре года назад, когда окончательно решил, что хочет жить «по-человечески» — то есть так, чтобы никто не лез в его жизнь, не пялился в окна и не спрашивал, почём он взял кредит на расширение сети «Дом уюта». За забором был рай: газон, который стригли раз в неделю, альпийская горка с карликовыми кустами и дом из кедрового бруса с огромными панорамными окнами, за которыми всегда горел тёплый, уютный свет.

Внутри этого света, на втором этаже, Иван Петрович Земцов завязывал галстук перед трюмо.

— Кать, ну сколько можно? — крикнул он в сторону ванной, поправляя воротничок дорогой голубой рубашки. — Я есть хочу. У меня весь день маковой росинки во рту не было.

— Иду, иду! — донеслось из-за двери. — Ты только ворчи, как старый дед. Никакого терпения.

Иван Петрович усмехнулся и глянул на своё отражение. Пятьдесят три — не возраст, если держать себя в руках. Он выглядел на сорок пять: крепкий, кряжистый, с тяжёлой челюстью и пронзительными серыми глазами, которые в молодости называли «рысьими». Седина только недавно начала серебриться на висках, но это даже придавало солидности. Дорогой костюм, часы за полтора миллиона, дом, три магазина. Всё, что он построил, начиная с девяностых с ободранного «уазика» и партии контрабандной мебели из Китая.

Он вышел из спальни и спустился вниз, в гостиную, где уже пахло мясом и специями. Антонина Васильевна хлопотала на кухне, что-то помешивая в чугунной утятнице.

Иван Петрович прошёл в холл, где висело огромное зеркало в резной раме, и остановился. Он любил этот момент: вечер, дом полон тепла, скоро ужин, молодая красивая жена спускается к нему, и можно сесть в мягкое кресло, включить новости, выпить рюмку коньяку перед едой.

Сверху зашуршали шаги. Екатерина, Катя, показалась на лестнице. Белокурая, с кукольными чертами лица, в облегающем кашемировом платье цвета бордового вина. Она всё ещё была той красавицей, которую он привёл в этот дом три года назад. Но тогда она носила дешёвые джинсы и смотрела на него с наивным обожанием.

— Ну что, доволен? — она грациозно спустилась, поправила тонкий золотой браслет на запястье. — Я сегодня вымоталась, столько дел. Твой Игорь опять не пришёл к ужину вовремя, он в своей комнате, сидит в телефоне. Я ему кричала, он даже не отреагировал.

— Оставь мальчика, — миролюбиво сказал Иван Петрович, подходя к ней и целуя в висок. — У него возраст. Учёба скоро, поступление.

— А я что? Я ничего, — пожала плечами Катя, но в её голубых глазах мелькнула лёгкая тень. — Просто хоть бы спасибо сказал, что я его кормлю.

— Он скажет, — Иван Петрович положил руку ей на плечо. — Ты сегодня красивая.

— Я всегда красивая, — улыбнулась она, но улыбка была той самой, «на публику». Иван Петрович знал эту улыбку: глаза оставались холодными, кукольно-пустыми.

Они прошли в гостиную. Антонина Васильевна уже накрывала на стол: фарфор, серебро, салфетки, бокалы для вина.

— Барин, ужин через пять минут, — сухо сказала она, поправляя вилку ровно на сантиметр.

— Спасибо, Тоня, — кивнул Иван Петрович.

Он сел в кресло, Катя устроилась на диване, поправляя подол платья. За панорамным окном плыла сибирская ночь, и на стекле проступали первые узоры морозного дыхания.

Всё было хорошо.

Идеально.

Ненадёжно.

Звонок в дверь раздался ровно в тот момент, когда Антонина Васильевна выносила из кухни утятницу.

В доме замерли. Звук был резкий, неожиданный. Он ударил по бархатной тишине вечера, как железная соха по стеклу. Иван Петрович нахмурился. Катя вскинула голову, округлив глаза.

— Кто это в такую рань? — спросила она, хотя было уже почти восемь вечера.

— Не знаю, — Иван Петрович поднялся из кресла.

Звонок повторился. Настойчивый, длинный. В этом звонке чувствовалось что-то такое, что заставляло внутренний сторожевой колокольчик внутри головы Ивана Петровича дёрнуться.

— Тоня, не открывай, — сказал он, шагнув в холл. — Я сам.

— Барин, там такой ветер, может, соседи? — спросила Антонина, но отошла от двери, держа прихватку в руках.

Иван Петрович подошёл к двери, глянул в глазок. За дверью, в свете тусклого фонаря, стояла фигура. Женская. Невысокая, худая, с чёрными волосами, которые ветер трепал и швырял в лицо. Она смотрела прямо в глазок — будто знала, что он смотрит на неё.

Звонок в третий раз.

Иван Петрович повернул замок и распахнул дверь.

Холодный воздух ударил в лицо, смешанный с запахом прелых листьев, сырости и... странным, сладковатым ароматом, как от старых шкафов и высушенных трав. На пороге стояла девушка.

Она была молодой. Лет двадцать два, может, двадцать три. Чёрные, иссиня-чёрные волосы выбивались из туго затянутого пучка, ветер трепал их и бросал на скуластое, смуглое лицо. Глаза — карие, с золотыми искрами, горели в темноте, как у дикой кошки. На ней был старенький пуховик, застёгнутый на все пуговицы, но под ним виднелся край длинной юбки. На плече висел потёртый рюкзак, из которого торчала металлическая фляжка.

Она не улыбалась. Она смотрела на Ивана Петровича в упор, и в этом взгляде было что-то тягучее, древнее, как будто она видела его насквозь, все его кости и все его грехи.

— Здравствуйте, Иван Петрович, — сказала она. Голос был низкий, немного хриплый, с лёгким южным прононсом, в котором слышалась степь и дальняя дорога. — Я к вам.

Иван Петрович молчал. Он стоял, держась за дверную ручку, и всматривался в это лицо. Что-то было в нём знакомое. Чёрные брови вразлёт, высокие скулы, острый подбородок. Где он видел эти глаза? Нет, не мог вспомнить. Он не помнил.

— Кто вы? — спросил он наконец, и голос его прозвучал сухо, жёстко.

Девушка чуть наклонила голову. Ветер снова рванул, и тёмная прядь упала ей на лицо, но она не убрала её.

— Я ваша дочь, — сказала она. — Марина.

Слова повисли в воздухе. Холодный ветер врывается в холл, шевелил дорожную портьеру, и где-то на кухне что-то звякнуло — Антонина Васильевна уронила вилку.

Иван Петрович смотрел на неё, на эту незнакомку с цыганскими глазами и рюкзаком за плечами, и чувствовал, как внутри, где-то в груди, лопается тонкая струна, которая держала его идеальный вечер.

— Что за чушь? — выдавил он. — Какая ещё дочь? Вы ошиблись, девушка.

— Нет, — она не отвела взгляд. — Я не ошибаюсь. Ваша фамилия Земцов. Иван Петрович. Вы торгуете мебелью. У вас здесь, в этом доме, живёт сын Игорь, и вы его отправить хотите в военное училище. А ещё у вас три магазина и молодая жена.

— Откуда вы... — начал он, но она перебила:

— Я всё про вас знаю. Потому что моя мать рассказывала мне о вас всю жизнь. Анна. Анна Цыганкова. Помните такую?

Иван Петрович побледнел. Это было видно даже в тусклом свете холла. Его лицо, ещё минуту назад спокойное и уверенное, вдруг посерело, словно из него выкачали кровь.

— Анна... — повторил он, как заклинание. В голове мелькнуло что-то смутное: чёрные волосы, ярко-алый платок, смех, который звенел, как бубенцы. Питер, 2001 год, осень, дождь, и гостиница «Санкт-Петербург»... — Я не... я не знаю никакой Анны.

— Знаете, — спокойно сказала Марина. Она не повышала голоса, не кричала. Она просто стояла, как каменное изваяние, и смотрела на него этими своими глазами цвета тёмного янтаря. — Знаете. Только забыли. Или сделали вид, что забыли. Но я пришла напомнить. Я ваша дочь. Мне двадцать три года. Я выросла в детском доме в Красноярском крае. Моя мать умерла, когда мне было двенадцать. Она пила, Иван Петрович, она пила, потому что вы её бросили. Бросили на вокзале, беременную, в ноябре, в одном пальто. Вы даже не оглянулись.

Голос её дрогнул. Всего на одну секунду. Но Иван Петрович услышал эту дрожь, и внутри у него что-то сжалось.

В холл вбежала Катя.

— Ваня, что происходит? — она увидела Марину и остановилась. Её кукольное лицо исказилось недоумением и брезгливостью. — Кто это? Что за бродяжка?

— Я дочь вашего мужа, — повернулась к ней Марина. Глаза её сверкнули. — Внебрачная. Из интерната. Пришла знакомиться.

Катя замерла. Она перевела взгляд с Марины на Ивана Петровича, и в её глазах мелькнул страх. Холодный, животный страх женщины, которая только что поняла, что её идеальный мир, её «золотая клетка», дала трещину.

— Ваня, — сказала она почти шёпотом. — Это шутка? Скажи, что это шутка.

Но Иван Петрович не мог ничего сказать. Он стоял, вцепившись в дверную ручку, и чувствовал, как пол уходит из-под ног.

На лестнице послышались шаги.

Игорь.

Он спускался, взъерошенный, в старом свитере, на ходу вытирая волосы полотенцем — видимо, только что вышел из душа.

— Пап, там какой-то шум... — начал он, но осекся, увидев открытую дверь и фигуру на пороге.

Игорь остановился на нижней ступеньке. Полотенце выпало из его руки и упало на паркет. Он смотрел на Марину, и его глаза, зелёные, «интеллигентные» глаза его покойной матери, расширились.

Он смотрел на неё, на эту чужую девушку с чёрными волосами и горящими карими глазами, и в его взгляде не было ни страха, ни брезгливости. Там было что-то другое.

Восхищение.

Любопытство.

Узнавание.

Марина перевела взгляд на него. Она смотрела на Игоря, на этого высокого нескладного парня в растянутом худи, и внутри у неё, там, где она спрятала боль и ненависть, вдруг что-то кольнуло. Тёплое. Острое.

Она знала, кто он. Сын. Брат.

Но она не ожидала, что он будет выглядеть... так. Так потерянно. Так по-мальчишески.

В доме повисла тишина. Только ветер выл за дверью, завывая в щелях, и где-то далеко, на соседней улице, лаяла собака.

Иван Петрович сделал шаг вперёд, заслоняя собой проход.

— Уходите, — сказал он хрипло. — Немедленно. Я вызову полицию.

— Вызывайте, — спокойно ответила Марина. — Я ничего не украла. Я сказала правду. А правду, знаете, за это не сажают. Пока не сажают.

Она сделала шаг назад, в темноту, и за её спиной завыл ветер. В руке у неё, откуда-то из-за пазухи, появилась старая, выцветшая фотография. Она протянула её Ивану Петровичу.

— Вот. Это ваша память, Иван Петрович. Возьмите. Посмотрите. Узнаёте?

Он не взял. Он просто смотрел на фотографию. На ней была девушка — черноволосая, черноглазая, с огненным платком на плечах, стоящая на фоне Невского проспекта. Рядом с ней стоял молодой парень с серыми глазами, в дешёвом пиджаке. Он смеялся.

Это был он. Иван Петрович Земцов, двадцать три года назад.

Фотография выпала из рук Марины и упала на каменные ступени крыльца. Ветер тут же подхватил её и понёс в темноту, но Иван Петрович даже не попытался её поймать.

— Я приду завтра, — сказала Марина. — На работу. В ваш магазин. Вы меня возьмёте, Иван Петрович. Я умею продавать мебель. Я умею говорить с людьми. А если не возьмёте, я приду к вам домой. Каждый день. Буду стоять под окнами. Ваши соседи будут думать, что вы наняли цыганку погадать. Но я не гадаю, Иван Петрович. Я говорю правду. Только правду.

Она повернулась и шагнула в темноту.

— Стойте! — крикнул вдруг кто-то.

Это был Игорь.

Он сорвался с места, пробежал мимо отца, выскочил на крыльцо. На улице уже было темно, ветер бросал в лицо снежную крупу.

— Стойте! — крикнул он снова. — Как вас зовут?

Марина обернулась. За её спиной горели жёлтые огни коттеджа, и она стояла на границе света и тьмы. Она посмотрела на Игоря, и её лицо на мгновение потеряло свою каменную маску. Она выглядела... испуганной. Уставшей. Похожей на маленькую девочку, которой просто хочется, чтобы её обняли.

— Марина, — ответила она. — Меня зовут Марина.

И ушла. Быстро, легко, растворяясь в ночи, как призрак.

Игорь стоял на крыльце, смотрел ей вслед, и ветер трепал его мокрые волосы. В руке он сжимал своё полотенце, и пальцы его дрожали.

Он не знал, почему, но ему хотелось бежать за ней. Туда, в темноту. За этой странной девушкой с горящими глазами и рюкзаком за плечами.

Он не знал, что через пять минут она упадёт на колени в парке через дорогу и её стошнит от страха.

Он не знал, что она ненавидит себя за эту слабость.

Он не знал, что эта ночь — всего лишь начало.

Иван Петрович захлопнул дверь. Так сильно, что стекло в витраже задребезжало.

Он стоял в холле, опершись рукой о стену, и тяжело дышал.

Катя смотрела на него с ужасом.

— Кто это был? — прошептала она.

— Не знаю, — ответил он, но в голосе его не было уверенности. — Я не знаю.

— Ты лжёшь, — сказала она. — Я вижу, ты лжёшь.

Антонина Васильевна стояла в дверях кухни с прихваткой в руках. Она ничего не говорила. Она смотрела на барина, на его посеревшее лицо, на его дрожащие руки, и в её суровых глазах мелькнула тень печали.

Она знала.

Она всегда знала, что прошлое рано или поздно придёт в этот дом.

Просто она не думала, что у него будут чёрные волосы и глаза цвета янтаря.

Игорь вернулся в холл. Он был бледен, его глаза блестели странным возбуждённым блеском.

— Пап, — сказал он. — Это правда? Она правда...

— Иди в свою комнату, — рявкнул Иван Петрович. — Немедленно!

Игорь вздрогнул, но не двинулся с места.

— Она была в старом пальто, — сказал он тихо. — Там холодно. Ей было холодно.

В доме снова повисла тишина.

За окнами выл сибирский ветер, и где-то далеко, в темноте, мерцал огонёк. Маленький, едва заметный.

Марина шла по улице Престижной, сжимая в кармане пустую фотографию (она всегда носила копию, а оригинал прятала в рюкзаке), и плакала. Тихо, беззвучно, чтобы никто не слышал.

Она вошла в их дом.

Она посмотрела им в глаза.

И теперь она не знала, сможет ли с ними расстаться.

Глава 2. Нулевой километр

Ночь в Усть-Камчатске опустилась на город, как чёрный бархатный полог, расшитый колючими звёздами. Температура упала до минус пятнадцати, и воздух стал колким, злым, он обжигал горло при каждом вдохе и заставлял щипать глаза. Где-то за лесом, на трассе, выл ветер, и этот вой проникал в щели окон, заставлял стекла дрожать и напоминал каждому, кто был в доме, что они — всего лишь маленькие люди в огромном, равнодушном мире.

Но внутри коттеджа на Престижной было жарко. Слишком жарко. Воздух сперло от напряжения, и казалось, что стены, сложенные из кедрового бруса, вот-вот треснут от той тяжести, что повисла в холле.

Иван Петрович стоял у двери, опершись рукой о стену. Он всё ещё дышал тяжело, неровно, словно пробежал марафон. Галстук его съехал набок, воротничок расстегнулся, и на шее выступили капли пота, хотя в доме было не больше двадцати трёх градусов.

Катя стояла в двух шагах от него, скрестив руки на груди, и смотрела на мужа с выражением, которое она редко позволяла себе показывать — с холодным, расчётливым ужасом. Она выглядела как статуя: идеальная причёска, идеальное платье, идеальная маска куклы, которая только что увидела, что её хрустальный дворец построен на болоте.

— Ваня, — голос её звучал ровно, но в нём слышался металл. — Ты мне сейчас объяснишь. Кто эта девица? Почему она называет себя твоей дочерью? И почему ты побледнел, как полотно, когда она показала эту фотографию?

— Катя, дай мне минуту, — хрипло сказал Иван Петрович, не оборачиваясь.

— Минуту? — она шагнула вперёд. — Ты будешь мне говорить «минуту», когда какая-то цыганка с рюкзаком заявится в мой дом и называет тебя папой? Я твоя жена, Ваня! Я имею право знать!

— Она не права! — рявкнул Иван Петрович, наконец обернувшись. В его серых глазах мелькнула ярость, но она была не настоящей. Она была прикрытием. Ширмой, за которой прятался испуг. — Я не знаю никакой Анны! Я не помню эту женщину! Это просто вымогательство!

Катя усмехнулась, и в этой усмешке не было ни капли тепла.

— Ты не помнишь, — повторила она. — А почему тогда лицо у тебя стало серым? Почему у тебя руки дрожат?

Иван Петрович посмотрел на свои руки. Они действительно дрожали.

— От холода, — сказал он, но это прозвучало жалко.

Игорь всё ещё стоял у лестницы, сжимая в руках полотенце. Он не сводил глаз с отца. В его взгляде читалось то, чего Иван Петрович боялся больше всего: разочарование. Игорь видел, что отец ждёт, и эта ложь была настолько прозрачной, что даже стены её чувствовали.

— Пап, — тихо сказал Игорь. — Она замёрзнет там. На улице минус пятнадцать, а она была в старом пуховике, нараспашку.

— Какое тебе дело? — рявкнул Иван Петрович. — Она тебе кто? Ты её вообще первый раз видишь!

— Она сказала, что она моя сестра, — ответил Игорь, и в голосе его послышалась странная, ледяная нотка. — Это неправда?

Иван Петрович открыл рот, чтобы что-то сказать, но не нашёл слов.

На кухне зазвенела посуда. Антонина Васильевна, которая всё это время стояла в дверях с прихваткой, наконец двинулась с места. Она подошла к барину, взяла его за локоть — жёстко, по-крестьянски, без всякого почтения.

— Иван Петрович, — сказала она негромко. — Вы бы присели. Вам плохо. Я сейчас чай принесу.

— Не надо мне чаю! — он вырвал руку. — Мне надо, чтобы эта... эта особа убралась из моего города! Мне нужно, чтобы она никогда больше не появлялась на моём пороге!

Он шагнул к двери, резко распахнул её, и в дом снова ворвался холод. Вместе с холодом ворвался звук: вой ветра, шум деревьев за забором, и где-то далеко — крик ночной птицы.

Но Марины на крыльце уже не было.

Только фотография, которую она показала, валялась на ступенях, присыпанная первым сухим снегом. Иван Петрович наклонился, поднял её. Снежинки таяли на пальцах, и под ними проступало лицо молодой женщины с чёрными волосами.

Анна.

Он смотрел на это лицо, и в голове снова возникла картина: осень 2001 года, Питер, «Санкт-Петербург», гостиничный номер с дешёвыми обоями, и она смеётся. Громко, заливи-сто, запрокинув голову. И чёрные волосы рассыпаются по подушке.

Он вспомнил.

«Ваня, ты правда меня любишь?»

«Конечно, люблю».

«А если я скажу, что у меня будет ребёнок?»

И тишина. И его лицо, меняющееся, каменеющее, уходящее в страх. И вокзал. Ночь. Она стоит на перроне в одном лёгком пальто и платке, сжимая в руках дешёвую сумку. А он садится в поезд и не оборачивается.

Он не обернулся.

Иван Петрович сжал фотографию в кулаке и зашвырнул её куда-то в угол холла.

— Тоня, — сказал он, почти не своим голосом. — Собери ей... собери ей вещи. Тёплые. И отдай. Завтра. Если она придёт.

— Какие вещи, барин? — спросила Антонина, и в голосе её послышалось удивление.

— Любые! — крикнул он. — У нас же есть старые куртки, сапоги. У Кати полно вещей, которые она не носит. Возьми и отдай ей! Пусть уйдёт!

Катя всхлипнула. Истерично, театрально.

— Ты хочешь отдать мои вещи этой бродяжке? — выкрикнула она. — Это мой дом, Ваня! Мой! И я не позволю какой-то цыганке ходить в моих сапогах!

— Замолчи! — рявкнул Иван Петрович, и голос его прозвучал так громко, что Катя отшатнулась. — Ты не понимаешь! Ты ничего не понимаешь! Она может разрушить всё! Всё, что я строил! Она может прийти в магазин, устроить скандал, пойти в газеты! Всё, что я создал за тридцать лет, может пойти прахом!

— Ты боишься не за бизнес, — вдруг сказал Игорь. Он стоял неподвижно, и в его зелёных глазах горел холодный, злой огонь. — Ты боишься за себя. Ты боишься, что окажется, что ты не идеальный. Что у тебя есть прошлое. Что ты тоже совершал ошибки.

Иван Петрович резко повернулся к сыну.

— Иди в свою комнату! — заорал он. — Я тебе сказал! Немедленно!

Игорь не двинулся.

— Она замёрзнет, — повторил он. — Ты хоть это понимаешь? Она пришла к тебе, а ты её выгнал. На мороз. Как собаку.

— Она не моя дочь! — закричал Иван Петрович, и в этом крике была такая сила отчаяния, что Антонина Васильевна на мгновение закрыла глаза.

— Она может быть чьей угодно! Мошенницей! Авантюристкой! Она просто хочет денег!

— Тогда почему ты не выгнал её сразу? — тихо спросил Игорь. — Почему ты дал ей уйти самой? Почему ты смотрел на неё так... так, будто видел призрак?

В комнате повисла тишина.

Иван Петрович стоял посреди холла, и в этом стоянии было столько поражения, сколько он не чувствовал, наверное, никогда в жизни. Он был королём этого дома, но сейчас он чувствовал себя раздетым, нищим, голым.

— Я не знаю, — прошептал он наконец. — Я не знаю, кто она.

— Ты врешь, — сказал Игорь, развернулся и побежал вверх по лестнице, с грохотом захлопнув дверь своей комнаты.

Катя смотрела на мужа, и в её глазах была такая смесь страха и злости, что она больше не казалась куклой. Она была настоящей. Она была хищницей, которая чувствовала, что её клетка рушится.

— Ты мне всё расскажешь, — сказала она. — Завтра. Или я уйду.

И она ушла, цокая каблуками по паркету, оставив Ивана Петровича одного в холле, среди дорогого интерьера и запаха ужина, который уже остыл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.